– 66?

ЧТО ПИШУТЪ

О РОССІИ ВЪ РИМѢ.

(ПО ПОВОДУ НОВАГО СОЧИНЕНІЯ P. V. VANNUTELLI).

Свящ. Н. А. Толстаго.

МОСКВА.

1893.

1676
06

(Отдѣльный оттискъ изъ № 3 **Душеполезнаго Чтенія** 1893 г.).

Москва. Университ. типогр., Страстн. бульв.

ЧТО ПИШУТЪ О РОССІИ ВЪ РИМѢ.

Россіа. Studio religioso sopra la Russia. Appunti di viaggio del P. V Vannutelli O. P. (*Религіозное изслѣдованіе о Россіи. Отчеты путешествія патера Викентія Ванутелли).* 1892 г.

(ПО ПОВОДУ НОВАГО СОЧИНЕНІЯ P. V. VANNUTELLI) *).

Эта книга, въ виду своей оригинальности и совершенно новаго взгляда на Россію со стороны западнаго европейца, и притомъ латинскаго священника, представляетъ, безъ сомнѣнія, весьма большой интересъ для каждаго русскаго читателя.

Вообще, когда иностранецъ пишетъ о Россіи, то приходится ожидать, что онъ наговоритъ много несправедливаго, болѣе будетъ обращать вниманіе на то, что̀ ему кажется достойнымъ исправленія, чѣмъ на хорошее. Иные, даже основательно изучивъ свой предметъ, все же не могутъ компетентно судить о немъ, такъ какъ по большей части разсматриваютъ его или съ одной какой-либо стороны, совершенно игнорируя остальныя, или относясь къ нимъ съ невѣжественнымъ презрѣньемъ. Трудъ патера Ванутелли свободенъ отъ этихъ недостатковъ. Онъ разсматриваетъ Россію съ точки зрѣнія, понятной однимъ русскимъ: съ точки зрѣнія православія. Вотъ что онъ, напримѣръ, пишетъ:

«Ни одна нація въ свѣтѣ не прилагаетъ къ себѣ наименованія «святая», кромѣ Святой Руси: и надо сознаться, что по всѣмъ даннымъ это наименованіе представляетъ дѣйствительное положеніе вещей. Не желая обидѣть нѣкоторыхъ другихъ,

Библиотека

все же надо сказать, что нѣтъ въ настоящее время націи столь религіозной какъ Россія. Въ ней религія все направляетъ, вездѣ видна, всѣми исповѣдуется публично, выражается во всемъ открыто съ силой и энергіей такой юной и крѣпкой, какой невозможно отыскать въ другомъ мѣстѣ. Всѣ обычаи народные, какъ общественные, такъ и частные или религіознаго происхожденія или, по крайней мѣрѣ, воодушевлены религіознымъ христіанскимъ духомъ, а правительство покровительствуетъ, защищаетъ и способствуетъ всѣми способами этому религіозному направленію и религіозному развитію русскаго народа». (I, гл. VIII.)

По этимъ строкамъ сейчасъ видно, какъ авторъ относится къ своему дѣлу и на какой точкѣ зрѣнія стоитъ. Какъ видно изъ заглавія, авторъ описываетъ свое путешествіе. Онъ пріѣзжаетъ въ Россію черезъ Одессу, посѣщаетъ Кіевъ, Москву и Петербургъ, причемъ главное вниманіе обращаетъ на монастыри и церкви. Онъ старательно изучаетъ мѣстный бытъ, и ни одинъ фактъ, ни одно явленіе не ускользаетъ отъ его вниманія. То, чего онъ не могъ лично видѣть, онъ пополняетъ тщательно собранными и провѣренными свѣдѣніями. Такимъ образомъ былъ пріобрѣтенъ матеріалъ для его труда, гарантированный отъ болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ, столь свойственныхъ пишущимъ о Россіи иностранцамъ. Нельзя, конечно, сказать чтобы сочиненіе патера Ванутелли было свободно отъ всякихъ погрѣшностей;—этого нельзя было и ожидать, но, во всякомъ случаѣ, тѣ ошибки, которыя въ немъ встрѣчаются, легко оправимы и большей частью сводятся къ простымъ неточностямъ.

Слѣдуя порядку самой книги патера Ванутелли, скажемъ сначала нѣсколько словъ о личности автора ея, а потомъ изложимъ содержаніе ея. Патеръ Викентій Ванутелли, происходящій изъ хорошаго итальянскаго семейства, еще съ дѣтства рѣшился посвятить себя служенію Богу и истинѣ. Благочестивая семья доставила ему всѣ средства къ хорошему воспитанію. Братья его избрали духовное поприще и

въ скоромъ времени, благодаря своей учености и заслугамъ церкви, достигли высшихъ церковныхъ должностей. Въ настоящее время они оба кардиналы. Но младшій братъ предпочелъ удалиться въ монастырь ордена св. Доминика и всецѣло предаться молитвѣ и наукѣ. 5 октября 1865 года онъ былъ посвященъ въ іеромонаха. «Едино просихъ у Господа» писалъ онъ по этому случаю: «о еже вселити мя ся въ домъ Господень въ долготу дній» (Пс. 22, 6). Любовь къ монашеской, созерцательной жизни обратила его вниманіе на отцевъ Восточной Церкви, извѣстныхъ своимъ аскетизмомъ и нравственными правилами. Знакомство съ богатой святоотеческою литературою и богослуженіемъ Востока возбудило въ немъ живую симпатію къ Восточной, Православной Церкви. Будучи посланъ въ качествѣ миссіонера на Востокъ, онъ основательно изучилъ положеніе и состояніе церквей восточныхъ и послѣ неоднократныхъ путешествій издалъ 16 сочиненій, касающихся Востока. Онъ долго прожилъ на Аѳонѣ, былъ въ восхищеніи отъ иноческаго житія на Святой горѣ, много и долго путешествовалъ по Палестинѣ, гдѣ его археологическія изслѣдованія доставили ему репутацію ученаго археолога. Онъ изучалъ и писалъ объ еврейскомъ вопросѣ и въ этомъ дѣлѣ также показалъ всю компетентность Но всего замѣчательнѣе его сочиненія о Восточной Православной Церкви. Въ нихъ онъ знакомитъ Западъ съ религіознымъ положеніемъ Востока и при этомъ старается доказать, что вѣра каѳолическая, безъ которой «никто спастися не можетъ», сохраняется въ Восточной Православной Церкви неповрежденно и безъ всякаго измѣненія; что обряды ея благолѣпны и достойны не только уваженія, но и подражанія; что названіе схизматиковъ, которое даютъ латиняне христіанамъ восточнымъ, несправедливо и не имѣетъ историческаго основанія: напротивъ, это названіе нарушаетъ заповѣдь о любви христіанской и заставляетъ восточныхъ видѣть въ западныхъ враговъ ихъ православной вѣры, которую тѣ унижаютъ именемъ схизмы. «Мы отвѣтственны», пишетъ Ванутелли (sguardo generale,

саро II) «въ томъ что сложился предразсудокъ, будто православіе есть нѣчто противоположное каѳоличеству. Точно христіанство заключается исключительно въ латинскомъ обрядѣ, а восточныя церкви менѣе православны, чѣмъ мы!»

Изъ этихъ словъ видно, какими свѣтлыми христіанскими идеями былъ воодушевленъ Ванутелли еще до своего путешествія въ Россію, къ которой всегда чувствовалъ симпатію и о которой писалъ слѣдующее:

«Не пушками, не многочисленными войсками и крѣпостями славна и сильна Россія: основаніе ея могущества заключается въ одномъ,—въ Православіи».

Наконецъ Ванутелли удалось привести въ исполненіе свою завѣтную мечту. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ получитъ необходимое разрѣшеніе русскаго правительства, когда ужь онъ почти примирился съ мыслью, что ему придется отказаться отъ своего давнишняго желанія, одно высокопоставленное лице, котораго онъ не называетъ по имени, проѣздомъ черезъ Римъ видѣло его и пригласило пріѣхать въ Россію, причемъ обѣщало свое содѣйствіе, ручаясь, что отказа на этотъ разъ не будетъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ это же самое лице ему объявило, что разрѣшеніе уже получено и сдѣланы соотвѣтственныя распоряженія, и что онъ можетъ ѣхать безпрепятственно.

Тогда Ванутелли обратился къ своей (то-есть римско-католической) духовной власти, отъ которой послѣдовалъ отвѣтъ, что, не принимая на себя никакой отвѣтственности въ этомъ путешествіи, высшая духовная власть желаетъ, чтобъ онъ воспользовался любезнымъ приглашеніемъ, такъ какъ подобный случай рѣдко можетъ представиться, чтобы онъ хлопоталъ самъ обо всемъ, но что препятствій со стороны церкви не будетъ, такъ какъ надѣются, что все будетъ сдѣлано для ея пользы и для улучшенія существующихъ въ Россіи отношеній къ христіанамъ западнымъ.

Послѣ этого патеру Ванутелли пришлось брать паспортъ отъ итальянскаго правительства. Какъ видно изъ его описанія, этотъ моментъ былъ ему очень непріятенъ, такъ какъ

извѣстно какія отношенія существуютъ между Ватиканомъ и властью гражданскою въ Италіи. Вануттелли казалось унизительнымъ, брать свидѣтельство отъ этой враждебной церкви власти, но видя, что это есть необходимое условіе для исполненія его плановъ, долженъ былъ подчиниться необходимости Послѣ хлопотъ съ паспортомъ, которыи ему пришлось два раза мѣнять по случаю какихъ-то неточностеи, онъ, наконецъ, могъ выѣхать изъ Рима, 10 апрѣля 1891 года, и начать свое путешествіе.

Всѣ эти приготовленія Ванутелли описываетъ довольно подробно въ двухъ первыхъ главахъ своеи книги. Небольшое введеніе, которое имъ предшествуетъ, объясняетъ желаніе автора пополнить пробѣлъ, который существуетъ въ иностранной литературѣ о Россіи; сознаетъ неполноту труда и заявляетъ, что это будетъ только очеркъ, которыи, впрочемъ, представитъ нѣсколько въ новомъ видѣ предметъ и скажетъ много новаго.

Начало путешествія не было особенно удачно для Ванутелли, но все обошлось благополучно. Взявъ въ Барп австріискіи пароходъ идущій на Аѳины и Константинополь, онъ доплылъ до Патраса, гдѣ сошелъ на берегъ отслужить обѣдню и повидать знакомаго священника, которыи его не много и задержалъ. Когда они оба подходили къ пристани, оказалось, что пароходъ уже отчалилъ и прошелъ мимо ихъ.

«Священникъ сталъ улыбаться (пишетъ Ванутелли), я хотѣлъ разсердиться, хотя мнѣ это не удавалось. «Что теперь дѣлать?»—Оставайтесь со мною. «А путешествіе потеряно?—Вы будете въ Аѳинахъ раньше вашего парохода.— «А мои вещи оставшіяся на пароходѣ совершенно раскрытыя? — Провидѣнье ихъ сохранитъ. — «Нельзя же такъ безнаказанно шутить!»—Вмѣсто наказанья я вамъ приготовлю хорошіи завтракъ, а сегодня вечеромъ вы будете въ Аѳинахъ.»—Такъ и пришлось сдѣлать. И ему пришлось по желѣзной дорогѣ отправиться въ Аѳины, гдѣ онъ

дождался парохода и безъ новыхъ уже приключеній прибылъ въ Константинополь.

Въ Константинополѣ патеръ Ванутелли провелъ страстную седьмицу, посѣщая греческія церкви и присутствуя на ихъ богослуженіи. Ему было «досадно и больно видѣть» съ какою невнимательностью греки относились къ дѣлу. Но, вмѣсто того, чтобы порицать ихъ, онъ сожалѣетъ объ этомъ и говоритъ, что нельзя слишкомъ строго критиковать ихъ, а надо молить Бога, чтобы Онъ Самъ направилъ все къ лучшему. Все-таки патеръ Ванутелли отдаетъ справедливость грекамъ: во время одной латинской процессіи всѣ греки сняли шапки и сдѣлили крестное знаменіе, тогда какъ европейцы большей частью продолжали стоять въ шапкахъ и ни одинъ изъ нихъ не выказалъ почтенія къ религіозной процессіи. «Не удивительно послѣ этого (прибавляетъ авторъ), что на востокѣ предполагаютъ, что мы люди совершенно невѣрующіе!»

По поводу своего пребыванія въ Константинополѣ, патеръ Ванутелли высказываетъ свои мысли относительно Восточнаго вопроса: онъ утверждаетъ, что занятіе русскими войсками Царьграда есть дѣло времени. Имперія Оттоманская наканунѣ паденія. Законной наслѣдницей является одна Россія, такъ какъ думать о возстановленіи Византійской имперіи есть утопія. «Крымская война была напраснымъ кровопролитіемъ» пишетъ онъ. «По страннѣйшей аномаліи въ исторіи христіанства, всѣ великія христіанскія державы заключили союзъ въ пользу Магомета противъ другаго христіанскаго народа, которымъ были Русскіе». Желательно ли подобное усиленіе Русской имперіи? Ванутелли даетъ отвѣтъ утвердительный. Это желательно для Востока, такъ какъ положеніе восточныхъ христіанъ отъ этого улучшится, и благостояніе восточныхъ церквей увеличится. Это желательно и для Запада, такъ какъ христіане западные пріобрѣтутъ сильную политическую поддержку противъ притѣсненій невѣрія и революціоннаго движенія: въ особенности (прибавляетъ Ванутелли), если объ великія

силы, Россія и церковь римская, будутъ дѣиствовать согласно и за одно, имѣя въ виду только общее благо и торжество истиннаго, нераздѣльнаго христіанства (I томъ IV).

Во время Страстной седьмицы Ванутелли пришлось зайти въ русское посольство. Онъ былъ пріятно пораженъ, когда ему сказали что въ эти святые дни не бываетъ присутствія, а самъ посолъ находится въ церкви. «Только Русскіе»,—восклицаетъ Ванутелли,—не стыдятся открыто выказывать и исповѣдывать свою христіанскую вѣру!»

Насталъ день отплытія въ Россію. Нѣкоторые друзья Ванутелли отсовѣтовали ему ѣхать. Въ приглашеніи и въ разрѣшеніи правительства они видѣли какую-то ловушку! «Какъ мало знаютъ Россію!» восклицаетъ по этому поводу Ванутелли.

Послѣ описанія своего отплытія изъ Константинополя, авторъ посвящаетъ цѣлыхъ три главы разсужденіямъ о будущности Россіи. Каждая изъ главъ носитъ особое названіе: первая,—«Россія», вторая,—«Таинственная Страна»,—слѣдующая,—«Святая Русь». Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ: «Въ концѣ нашего XIX вѣка Россія представляетъ самое великое, самое могущественное и самое прочное государство свѣта: можно сказать,—единственное прочное, въ особенности въ Европѣ». Сказавъ о томъ, какъ мало для Россіи опасны враги внѣшніе въ виду географическаго и климатическаго положенія страны, притомъ находящеися въ совершенной независимости отъ остальныхъ государствъ, благодаря своимъ неисчерпаемымъ богатствамъ, авторъ продолжаетъ: «что же касается до внутренней безопасности, правительство имѣетъ великую заботливость о сохраненіи здравыхъ принциповъ порядка и подчиненности, и массы народныя до такой степени прочно преданы существующей власти, что съ ихъ стороны нельзя ожидать никакого сопротивленія. Если въ большихъ городахъ и встрѣчаются небольшіе безпорядки, то они въ сравненіи съ массой до того ничтожны и сдерживаемы правительствомъ, что, кромѣ единичныхъ случаевъ насилія, не могутъ ничѣмъ кон-

читься. И тѣмъ болѣе никогда не могутъ измѣнить существующаго порядка.

Думаютъ, что въ Россіи правленіе деспотическое и притѣсняющее. Это не вѣрно и не согласно съ истиною. Правда, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ власти иногда злоупотребляютъ, но каждое нарушеніе закона строго наказывается, и масса народа глубоко привязана къ правительству, которое о ней заботится и доставляетъ ей благоденствіе, соотвѣтственно ея настоящему ограниченному развитію. И правительство не имѣло бы такой силы своего авторитета, если бы не чувствовало опоры въ безгранично преданномъ ему народѣ. Въ народномъ умѣ правительство представляетъ въ дѣйствительности идею національности, и интересы народа и власти общи; поэтому слава и преимущества послѣдней суть слава и преимущества самого народа. Въ Россіи происходитъ какъ разъ обратное тому, что дѣлается въ государствахъ западной Европы. У насъ (западныхъ) правительства заботятся о своихъ интересахъ въ ущербъ народнымъ, притѣсняя подданныхъ со лживыми словами: свобода, цивилизація, и между властью и народомъ нѣтъ никакой нравственной связи, а напротивъ, съ одной стороны притѣсненія, а съ другой—возмущенія. Въ Россіи слова свободы въ западномъ смыслѣ и идея возмущенія не существуетъ въ массѣ, которая чувствуетъ, что призвана для своего блага только къ покорности и послушанію; а правительство въ замѣнъ этого не только уважаетъ, но и способствуетъ инстинктамъ, вкусамъ и добрымъ желаніямъ народа, предупреждаетъ, поскольку можетъ, ихъ нужды и даетъ имъ такое развитіе, которое бы не разрушало нравственной связи, существующей между властью и управляемой массой».

Касательно внѣшняго могущества Россіи авторъ говоритъ, что въ Азіи завоеванія Россіи не могутъ встрѣтить препятствій; на Востокѣ всѣ народы имѣютъ взглядъ обращенный на Россію, покровительницу христіанъ ей единовѣрныхъ и одного съ ней обряда. На Западѣ, въ южной и

центральной Европѣ, всѣ славянскія народности чувствуютъ къ ней симпатію и вполнѣ съ ней солидарны. «Наконецъ (пишетъ онъ) въ то время какъ наша старая Европа находится въ полномъ упадкѣ и замѣшательствѣ, происходящемъ отъ антирелигіознаго и революціоннаго настроенія, приводящаго къ общему соціальному разрушенію,—Россія, напротивъ, держится и сохраняется внѣ этой ужасной заразы и чужда нашимъ политическимъ заблужденіямъ, основанная прочно на старыхъ и здравыхъ монархическихъ принципахъ, которые дѣлаютъ ее настоящимъ исключеніемъ изо всѣхъ остальныхъ государствъ».

Ванутелли утверждаетъ, что Россія находится въ эпохѣ своей юности, а большая часть народа въ эпохѣ дѣтства. Поэтому величіе Россіи въ будущемъ и ей, по его мнѣнію, суждено исполнить великія историческія задачи.

Первая: уничтожить Оттоманскую имперію и изгнать изъ Европы исламъ. «Не даромъ (пишетъ онъ) кресты на куполахъ въ Россіи имѣютъ подножіемъ серпъ луны» и эта побѣда православія надъ исламомъ предчувствуется всѣми.

Вторая: вести борьбу и удержать революцію, на принципахъ которой основаны всѣ европейскія государства.

Третья: удержать вліяніе іудеевъ въ Европѣ, которое стало истинной язвой общества, и грозитъ сдѣлаться силой, съ которой придется считаться.

Четвертая: остановить усиленіе германской имперіи, грозящей нарушить политическое равновѣсіе, и самой стать распорядительницей судебъ вселенной. Тогда Россія сдѣлается самой великой державой и, возстановивъ на западѣ поруганное христіанство, исполнитъ задачу Великаго Константина.

Въ настоящее время, пишетъ Ванутелли, Россія окружена таинственностью, которая бросается въ глаза каждому пріѣзжему: «на улицахъ народъ говоритъ мало и никогда громко*),

*) Патеръ Ванутелли вѣроятно разумѣетъ отсутствіе у насъ той страшной *крикливости*, какая часто происходитъ на улицахъ итальянскихъ, особенно при выходѣ газетъ. *Ред.*

какъ-то дѣлается въ Европѣ. Разговоры ведутся въ полголоса и никогда не затрогиваются дѣла внутренней политики и нѣтъ мѣста (?) религіознымъ спорамъ. Въ Россіи не существуетъ (?) системы муниципальныхъ выборовъ и партійныхъ вопросовъ, которые составляютъ пагубу западныхъ націй, и поэтому тамъ не видно на стѣнахъ улицъ афишъ и прокламацій, возбуждающихъ народныя страсти. Напротивъ, чувствуется удивительная атмосфера тишины и спокойствія. Даже торговцы на улицахъ не возвышаютъ слишкомъ своего голоса, выкликивая свой товаръ, и все имѣетъ видъ какого-то взаимнаго недовѣрія (?) и наблюденія (?) другъ за другомъ. Отсюда слѣдуетъ, что когда бываетъ большое стеченіе народа, никогда или очень рѣдко бываютъ безпорядки, и если начинается шумъ, то безъ особенныхъ затрудненій сейчасъ же останавливается полиціей, которая очень благосклонно и почтительно замѣчаетъ нарушителю порядка, но въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія употребляетъ болѣе энергичныя мѣры. И народъ привыкъ къ этой системѣ и солидаренъ съ тѣми кто ее поддерживаетъ. Можно сказать что въ воздухѣ дышется спокойствіемъ и таинственностью, что приводитъ васъ къ серіозному настроенію, созерцанію и размышленію. Эта система, можетъ быть, иногда слишкомъ сурова и непріятна пріѣзжающимъ, но въ общемъ великолѣпна и составляетъ идеалъ хорошо устроеннаго государства. О, насколько лучше она нашихъ революціонныхъ системъ»!

Вотъ какое впечатлѣніе производитъ сравнительная тишина нашихъ городовъ на иностранца, привыкшаго къ оглушительному шуму южныхъ и западныхъ городовъ Европы. Но считать это за признакъ взаимнаго недовѣрія можетъ только иностранецъ. Дѣло въ томъ, что на югѣ и на юго-западѣ живутъ на улицахъ, а у насъ жизнь сосредоточена въ домахъ. Это отсутствіе жизни уличной и бросается въ глаза непривычному человѣку.

Послѣ похвалъ, относящихся къ нашей правительствен-

ной системѣ, Ванутелли останавливается на причинахъ могущества Россіи. «Изъ всѣхъ таинственныхъ причинъ силы и прочности Русскаго государства есть одна главная, основная для всѣхъ прочихъ: эта причина—православная вѣра». I т. VIII. Дѣлая сравненіе съ западомъ, онъ говоритъ, что тамъ необходима большая смѣлость, чтобы исповѣдывать вѣру; а въ Россіи, напротивъ, даже невѣрующему приходится скрывать свое невѣріе, изъ опасенія навлечь на себя общее вниманіе и даже непріятность. «Бѣда тому отъ кого услышатъ слово непочтительное къ религіи!» Въ виду этого русскій народъ не можетъ не заслуживать общей симпатіи. «Въ нашъ вѣкъ невѣрія и религіознаго упадка, Россія можетъ гордиться тѣмъ, что высоко держитъ знамя христіанства и служитъ примѣромъ для всѣхъ остальныхъ народовъ въ исполненіи обрядовъ религіи; и поэтому имѣетъ нравственныя силы для своихъ политическихъ дѣйствій, чего лишены остальныя націи. Въ Россіи православіе есть сущность, идеалъ, прошлое и будущее и слава Русскаго народа». Указавъ на нѣкоторыя другія причины, какъ-то: молодость самаго народа и непоколебимую древность обряда и обычаевъ, сочетаніе того и другаго,—«юности» и «античности», Ванутелли повторяетъ, что безъ сомнѣнья Россія призвана на возстановленіе во всемъ мірѣ истинныхъ принциповъ христіанскихъ.

Послѣ этихъ разсужденій авторъ переходитъ къ дальнѣйшему описанію своего путешествія. Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ его пребыванія въ Одессѣ, на описаніи напр., того, какъ на улицѣ его принимали за еврейскаго раввина, благодаря его длинному черному подряснику, какъ извощикъ, описанію котораго онъ посвящаетъ полторы страницы, едва не опрокинулъ его и все утѣшалъ словомъ: «ничего, ничего»;—скажемъ только, что онъ посѣтилъ семинарію, гдѣ былъ очень любезно принятъ о. ректоромъ, приказавшимъ ученикамъ пропѣть ему «Христосъ воскресе», «Свѣтися», и славословіе, каковое пѣніе, понравилось ему болѣе итальянскаго церковнаго, которое часто

бываетъ слишкомъ свѣтскаго характера. Въ тои же семинаріи онъ присутствовалъ въ церкви на благодарственномъ молебнѣ по случаю чудеснаго избавленія Е. И. Высочества Наслѣдника Цесаревича отъ злодѣйскаго покушенія въ Японіи. Затѣмъ Ванутелли посѣтилъ преосвященнѣйшаго архіепископа Херсонскаго и Одесскаго (Сергія). Посѣтивъ церкви, музей (въ которомъ его просили росписаться и его подпись очутилась рядомъ съ подписью принца Виктора Эммануила), библіотеки и другія достопримѣчательности, Ванутелли отправился въ Кіевъ, а въ книгѣ своей, при описаніи сего, переходитъ опять къ разсужденіямъ и умозаключеніямъ. *Онъ удивляется почему въ латинскихъ церквахъ въ Россіи проповѣди не говорятся на государственномъ языкѣ, который всѣ обязаны знать, какъ это и въ другихъ государствахъ дѣлается.* Онъ осуждаетъ стремленіе вводить новые обряды, чтобы рѣзче отличаться отъ восточныхъ. Его борода, которую онъ носитъ, приводитъ въ смущеніе многихъ, считающихъ бороду за признакъ «схизмы»! Ванутелли искренно сожалѣетъ о подобной нетерпимости, столь противной любви христіанской.

Затѣмъ авторъ дѣлаетъ краткій, но довольно вѣрный, историческій очеркъ появленія христіанства въ Россіи въ связи съ сказаніемъ о св. братьяхъ Кириллѣ и Меѳодіи, и доказываетъ, вопреки западнымъ филологамъ, преимущество и древность кириллицы по сравненію съ глаголицей. Затѣмъ опять переходитъ къ путешествію и хвалитъ удобства нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Послѣ описанія своего пріѣзда въ Кіевъ, который онъ называетъ Іерусалимомъ Русской земли, Ванутелли опять предается своимъ любимымъ разсужденьемъ о православіи. Въ 6 главѣ, которую онъ озаглавилъ этимъ именемъ (православіе), онъ старается доказать, что несправедливо называть все населеніе Россіи схизматическимъ, такъ какъ православные *хранятъ въ чистотѣ каѳолическую вѣру*, что отсутствіе общенія съ римскимъ престоломъ есть дѣло чисто политическое, и при этомъ выражаетъ надежду, что когда востокъ и западъ бу-

дутъ лучше знать другъ друга, старые предразсудки, распространяемые врагами единенія, исчезнутъ и общеніе возобновится.

Послѣ благихъ пожеланій о возстановленіи общенія между Восточною и Западною церквами, слѣдуетъ описаніе Кіевскихъ святынь. Патеръ Ванутелли начинаетъ это описаніе съ Софійскаго собора, который онъ осматривалъ очень подробно и въ которомъ присутствовалъ за богослуженіемъ въ день перенесенія мощей святителя и чудотворца Николая. Затѣмъ онъ останавливается на описаніи литургіи, удивляясь, что русскіе не оставили въ ней ни однаго греческаго слова, а все перевели на славянскій языкъ, не исключая Κύριε ἐλέησον, Господи помилуй, и Ἅγιος ὁ θεός, которые даже у латинянъ поются на греческомъ языкѣ въ знакъ единства вѣры. Во время своего пребыванія въ Кіевѣ, при поклоненіи кіевскимъ святынямъ, патеръ Ванутелли изучаетъ проявленіе религіознаго настроенія русскаго народа. Онъ приходитъ къ убѣжденію «что преданія и обряды у Русскихъ гораздо назидательнѣе, чѣмъ у прочихъ націй и поэтому дѣлаютъ религію болѣе популярной: они *чувствительны, но не чувственны*, тогда какъ у насъ (западныхъ) со времени классическихъ вѣковъ XV и XVI они именно таковы, въ нихъ много легкости, и того, что называется реальностью».

Кіево-Печерская Лавра поражаетъ патера Ванутелли обиліемъ святыхъ мощей и мvроточивыхъ главъ. Потомъ онъ удивляется крѣпостнымъ стѣнамъ, окружающимъ Лавру и по этому поводу говоритъ, что въ Россіи вездѣ видно присутствіе двухъ силъ:—физической и религіозной и что одна поддерживаетъ другую. При видѣ поклонниковъ, изъ которыхъ авторъ иныхъ распрашивалъ при помощи переводчика, онъ восклицаетъ: «Какой народъ полный вѣры эти малороссы (?!), какой элементъ кроткій, спокойный, первобытный и простой, а между тѣмъ составляетъ силу, съ которой даже хорошо организованная сила не можетъ сравниться!»

Въ Кіевѣ патеръ Ванутелли посѣтилъ, теперь уже въ Бозѣ почившаго, владыку митрополита Платона и остался весьма доволенъ любезнымъ пріемомъ и бесѣдой покойнаго святителя. Ванутелли кончаетъ свой первый томъ разсужденіями по поводу Польскаго и Уніатскаго вопросовъ. Нельзя согласиться со многими изъ его разсужденій, такъ какъ авторъ, наслышавшись много преувеличенныхъ жалобъ со стороны Поляковъ, повторяетъ ихъ, «но съ другой стороны (говоритъ онъ) мы не можемъ всегда и во всемъ оправдывать Поляковъ. Этого сдѣлать нельзя безъ ущерба истинѣ и справедливости. Исповѣданіе католичества не должно никогда быть предлогомъ возмущенія противъ предержащей власти и Церковь не можетъ одобрять ни безпорядковъ, ни тайныхъ заговоровъ. Даже въ томъ случаѣ, когда то или другое правительство ей непріятно, она всегда проповѣдуетъ о долгѣ подданныхъ подчиняться требованіямъ времени и мѣста и ревностно слѣдить за тѣмъ, чтобъ дѣло вѣры не было смѣшиваемо съ дѣломъ политическимъ». «Между тѣмъ у Поляковъ встрѣчаются легкомысленныя головы, и есть духъ антагонизма къ русскимъ, который они часто высказываютъ, что и служитъ поводомъ къ постоянной борьбѣ между ними и Русскимъ Правительствомъ, и этой борьбой пользуются остальныя державы, враждебныя Россіи».

«И не обѣ ли эти націи—христіане? И не обѣ ли одного Славянскаго происхожденія? И развѣ не можетъ быть между ними симпатіи, основанной на національномъ чувствѣ славянства и исповѣданіи той же самой хрістіанской вѣры? И почему бы не соединиться этимъ двумъ благороднымъ силамъ противъ своихъ общихъ сильныхъ и яростныхъ враговъ, которыхъ не мало.

Очень жаль, что церковь католическую въ Россіи представляютъ почти исключительно Поляки, на которыхъ смотрятъ враждебно, такъ какъ отъ этого дѣлается еще глубже раздѣленіе, и затруднительнѣе возможность соединенія

всѣхъ христіанъ въ одну Церковь, глава которой есть Божественный Искупитель».

Говоря объ уніатахъ, патеръ Ванутелли высказываетъ мысль, что Римскому престолу слѣдовало бы допустить ихъ сліяніе съ Русской Церковью, тѣмъ болѣе, что такая мѣра была допущена въ началѣ XIX столѣтія по отношенію къ Армянамъ. «Тогда бы исчезли,— пишетъ онъ,— нѣкоторые предразсудки въ Русскомъ народѣ о Церкви Римской столь пагубные для вселенскаго единства». Ванутелли обращаетъ вниманіе и на ненормальное положеніе уніатовъ, которыхъ сами Латиняне не считаютъ вполнѣ своими и стараются ввести въ ихъ обрядъ свои латинскіе обычаи. Затѣмъ онъ порицаетъ непочтеніе Латинянъ къ Русскимъ святынямъ, непринятіе Таинствъ отъ Русскаго священника, даже въ крайней нуждѣ, непосѣщеніе Русскихъ церквей и подобное отчужденіе отъ обрядовъ восточной Церкви, лишающее ихъ нерѣдко возможности получить благодать: думая избѣжать малаго зла,—дѣлаютъ большее. «Если говорятъ, что Правительство Русское преслѣдуетъ Поляковъ, то это было вовсе не изъ ненависти къ ихъ вѣрѣ, а за ихъ сепаративный духъ; и если оно принудило уніатовъ присоединиться къ общей церковно-правительственной системѣ, то для того чтобы избѣжать двойственности въ одномъ и томъ же греческомъ обрядѣ, что неминуемо влечетъ за собой раздѣленіе между однимъ и тѣмъ же народомъ и возбуждаетъ какъ религіозныя такъ и политическія его страсти.» Авторъ надѣется, что Русское Правительство, всеконечно, благосклонно отнесется къ дѣлу соединенія, если увидитъ, что оно не противно интересамъ Церкви и Государства.

Второй томъ своего сочиненія патеръ Ванутелли посвящаетъ почти исключительно Москвѣ и ея окрестностямъ. По дорогѣ изъ Кіева въ Москву онъ замѣчалъ, что какъ только показывался какой-нибудь городъ, то первое что бросалось въ глаза, это многочисленныя церкви и монастыри, и нерѣдко доносились до поѣзда отдаленные звуки ко-

локольнаго звона *). По этому поводу патеръ Ванутелли восклицаетъ: «Стоитъ только подумать, что этотъ народъ такъ-сказать, весь проникнутъ религіею и обращается въ средѣ исключительно религіозной, и нельзя не восхищаться имъ и не радоваться, что имя Божіе днемъ и ночью прославляется и благословляется этими людьми!»

Удивляясь, что весьма многіе писавшіе о Россіи, не обращали на эту наиболѣе бросающуюся въ глаза сторону народа никакого вниманія, авторъ добавляетъ, что все это доказываетъ, что Россія исповѣдуетъ истинную, правильную вѣру, такъ какъ не будь въ этомъ дѣйствія благодати, вѣра ослабла бы, что и случилось съ протестантами. Напротивъ, народъ русскій крѣпко держится исповѣданія первобытнаго христіанства и религіозная идея все сильнѣе и сильнѣе у русскихъ развивается, и проявляется многочисленными фактами.

Прибывъ въ Москву, патеръ Ванутелли остановился у настоятеля Французской церкви св. Людовика и съ слѣдующаго же дня началъ знакомиться съ первопрестольной. Первое мѣсто, куда онъ направился, было, конечно, Кремль. Входя въ него черезъ Спасскія ворота, онъ былъ пріятно изумленъ необходимостью снять шапку. «Я былъ счастливъ, пишетъ онъ, какъ можно чаще проходить черезъ Спасскія ворота, чтобы быть *обязаннымъ* по опубликованному *закону* (sic!) воздать почтеніе царственному величію Божественнаго Искупителя». Давъ небольшой историческій очеркъ этихъ воротъ и Кремля, почерпнутый изъ русскихъ источниковъ, авторъ дѣлаетъ послѣдовательное описаніе Кремлевскихъ, соборовъ, колокольни Ивана Великаго, Императорскаго дворца, церкви Спаса на Бору, и кончаетъ Царь колоколомъ и Царь пушкой, эмблемами религіознаго и физическаго могущества Россіи. Поклонившись святынямъ Кремлевскимъ, патеръ Ванутелли отправился въ Иверскую часовню. «Ни одинъ русскій, пишетъ онъ, по пріѣздѣ въ

*) Тогда было какъ разъ 15 мая,—день коронаціи.

Москву, не преминетъ зайти помолиться къ Иверской прежде всякаго другаго дѣла. Самъ благочестивѣйшій Императоръ подаетъ этому примѣръ». Помолившись у Иверскои, Ванутелли посѣщаетъ церковь Василія Блаженнаго, которая восхищаетъ его своимъ оригинальнымъ изяществомъ, и храмъ Христа Спасителя... и Ванутелли восклицаетъ: «о какъ желательно было бы чтобы Русскіе пришли отмстить за тѣ оскорбленія христіанству, которыя произведены такъ-называемыми цивилизованными націями! Кто знаетъ не дастъ ли Господь Россіи назначеніе покарать страны отступниковъ непрестанно оскорбляющихъ имя Божіе и Пресвятой Богоматери?» Онъ вспоминаетъ разсказъ, какъ одинъ плѣнный русскій офицеръ перекрестился передъ Наполеономъ, который этому удивился. «Не удивляйтесь, Ваше Величество, сказалъ нѣкто изъ приближенныхъ:—Теперь только въ Россіи и въ Испаніи сохраняется христіанская вѣра». Какъ разъ эти двѣ державы дали самые сильные уроки этому полководцу. Отъ вниманія патера Ванутелли не ускользнуло и то обстоятельство, что во всѣхъ домахъ, начиная съ Кремлевскихъ палатъ и дворцовъ, въ каждой комнатѣ есть икона, вездѣ есть святой уголъ, гдѣ передъ кіотой горятъ лампадки, и не только въ домахъ, но и въ магазинахъ, лавкахъ и даже нерѣдко на улицахъ, и что всякое дѣло, какъ общественное такъ и частное, начинается молитвой. Во время пребыванія Ванутелли въ Москвѣ была открыта французская выставка, и французы не позаботились сдѣлать это съ молитвой. Но за то объ этомъ позаботилось само русское правительство, которое и устроило торжественный молебенъ, совершенный архіерейскимъ служеніемъ. Ванутелли совѣтуетъ французамъ позаимствоваться у русскихъ въ религіозномъ отношеніи. Затѣмъ онъ касается симпатіи между нами и Франціей и находитъ общность интересовъ между этими державами въ восточномъ вопросѣ. Изъ другихъ примѣчательностей, которыя видѣлъ патеръ Ванутелли въ Москвѣ, ему болѣе всего понравился Воспитательный домъ и онъ знакомитъ своихъ читателей

съ этимъ учрежденіемъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ нѣсколько женскихъ мостастырей; въ особенности ему понравился Алексѣевскій, гдѣ онъ очень любезно былъ принятъ матерью игуменіей; пѣніе въ этомъ монастырѣ онъ нашелъ восхитительнымъ, называетъ его идеальнымъ и говоритъ, что не мѣшало бы итальянцамъ пріѣхать въ Россію поучиться настоящему и благоговѣйному церковному пѣнію.

По поводу монастыреи патеръ Ванутелли говоритъ о монашествѣ и русскомъ клирѣ. По поводу послѣдняго онъ замѣчаетъ, что русское духовенство многіе совсѣмъ не знаютъ или знаютъ съ нехорошей стороны, часто на него клевещутъ и относятся къ нему строже, чѣмъ оно того заслуживаетъ. Онъ утверждаетъ, что оно вполнѣ выполняетъ свое назначеніе и дѣлаетъ сколько можетъ, соотвѣтственно тому положенію, въ которомъ оно находится, хотя во всякомъ случаѣ лучшемъ, чѣмъ во многихъ католическихъ государствахъ. Среди русскаго клира встрѣчается много святыхъ мужей и старцевъ—знаменитыхъ своимъ аскетизмомъ. «Въ настоящее время, пишетъ Ванутелли, есть въ Россіи знаменитый священникъ, извѣстный по всюду своей особенной жизнью, отецъ Іоаннъ изъ Кронштадта». Патеру Ванутелли не удалось его видѣть, но онъ слышалъ отъ многихъ лицъ близко знавшихъ отца Іоанна, какъ католиковъ такъ и русскихъ, что все, что говорится о его пастырской ревности, щедрости къ бѣднымъ и дѣйственности его молитвъ, нисколько не преувеличено.—Во время пребыванія патера Ванутелли въ Москвѣ, сюда пріѣхалъ Государь Императоръ. «Изъ всѣхъ государей, пишетъ Ванутелли, только русскій императоръ коронуется въ церкви и получаетъ отъ нея знаки своего царскаго достоиства: поэтому во истину *личность* Помазанника Божія есть личность *священная*. Императоръ Всероссійскій есть Государь не только по положенію вещей, но помазывается и коронуется Церковью, что̀ обязываетъ подданныхъ подчиняться его авторитету и относиться къ нему съ еще большимъ почтеніемъ». Ванутелли находитъ, что въ то время

когда всѣ остальныя, такъ-называемыя конституціонныя, государства обратили слово «Правитель» въ насмѣшку, въ одной Россіи сохранился идеалъ истиннаго правительства. «Народъ есть та же семья въ большомъ видѣ, и монархъ есть ея отецъ; въ Россіи это главный принципъ». Разсказавъ, какъ радостно встрѣчалъ въ Москвѣ народъ своего «Царя-Батюшку», Ванутелли посвящаетъ нѣсколько теплыхъ строкъ памяти Царя-Мученика Александра Втораго. Затѣмъ патеръ Ванутелли описываетъ свое путешествіе въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, которая произвела на него самое благопріятное впечатлѣніе. Вѣрный своей программѣ, онъ даетъ о ней нѣкоторыя историческія свѣдѣнія и описываетъ чудеса Преподобнаго Сергія, совершенныя въ смутную эпоху междуцарствія. Осмотрѣвъ ризницу, въ которой особенное вниманіе обращаетъ на двѣ панагіи съ чуднымъ нерукотвореннымъ изображеніемъ Распятія и Лика Спасителя, онъ также внимательно описываетъ окрестные монастыри, Гевсиманскій скитъ и Ваѳанію съ ихъ достопримѣчательностями. Посѣтивъ отца намѣстника Лавры, покойнаго архимандрита Леонида Кавелина, тоже извѣстнаго археолога, онъ побывалъ и у отца ректора академіи, архимандрита Антонія. Изъ Троицкой обители патеръ Ванутелли отправился въ новый Іерусалимъ и былъ пораженъ вѣрностію храма его, какъ копіи, своему подлиннику въ старомъ Іерусалимѣ. Посвятивъ нѣсколько строкъ памяти блаженнаго патріарха Никона, онъ даетъ нѣкоторые свѣдѣнія о монастырѣ и разсказываетъ о своемъ посѣщеніи настоятеля монастыря преосв. Христофора. Послѣ этого патеръ Ванутелли отправился въ Петербургъ, который находитъ красивымъ, но уступающимъ Москвѣ и менѣе русскимъ, чѣмъ она. Слѣдуетъ описаніе Александро-Невской Лавры, Исаакіевскаго, Казанскаго и Петропавловскаго соборовъ, Сергіевской пустыни, Петергофа, Павловска, Гатчины и прочихъ окрестностей. Затѣмъ онъ описываетъ свой отъѣздъ изъ Россіи. Въ заключеніе своей книги патеръ Ванутелли разсуждаетъ о центрѣ правленія церков-

наго въ Россіи. «Если спросить русскаго, кто глава ихъ Церкви, то единодушный отвѣтъ будетъ тотъ, что глава Церкви Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ; они побоялись бы и подумать дать названіе главы Церкви смертному человѣку. Этому нельзя противорѣчить. И мы католики вѣримъ и должны вѣрить, что истинная Глава Церкви есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ и не можетъ быть другаго. Поэтому-то Церковь и свята и непогрѣшима, такъ какъ ею управляетъ и поддерживаетъ ее не смертный человѣкъ, а истинная Глава ея, Іисусъ Христосъ Богъ».

Ванутелли старается опровергнуть предразсудокъ существующій на западѣ, что глава русской церкви есть лице не духовное. Въ Сѵнодѣ дѣйствительно засѣдаетъ (въ итальянскомъ первомъ изданіи ошибочно написано *предсѣдательствуетъ*) лице свѣтское оберъ-прокуроръ, который не вмѣшивается въ богословскіе и каноническіе споры, но когда дѣло касается администраціи или іерархіи церковной, то защищаетъ интересы правительства, и проводитъ ихъ, съ согласія членовъ Сѵнода. Затѣмъ патеръ Ванутелли касается сильныхъ и слабыхъ сторонъ Россіи, относя къ послѣднимъ расколъ, а къ первымъ все то, о чемъ говорилъ раньше. Посвящая цѣлую главу «Панславизму», онъ высказываетъ свои благія пожеланія для Россіи и заканчиваетъ все сочиненіе надеждой, что Россія возстановитъ христіанство и порядокъ на западѣ и сама послужитъ звеномъ для соединенія всѣхъ христіанъ въ одно стадо, во единую вселенскую Церковь.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Февраля 24 дня 1893 года.

Москва Университет. типогр. Страстн. бульв.